

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им.В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П.Астафьева)

Институт/факультет

Исторический факультет

(полное наименование института/факультета)

Кафедра

Отечественной истории

(полное наименование кафедры)

Специальность

030400.65 «история»

(код ОКСО и наименование специальности)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав.кафедрой

Отечественной истории

(полное наименование кафедры)

И.Н. Ценюга

(подпись)

(И.О.Фамилия)

« _____ »

_____ 2015 г.

Выпускная квалификационная работа

**Социалистическое преобразование сельского хозяйства в
Красноярском округе (вторая половина 1920-х – 1930-е гг.)**

Выполнил студент группы

_____

(номер группы)

Барсуков В.А.

(И.О.Фамилия)

_____

(подпись, дата)

Форма обучения

Заочная

Научный руководитель:

д.и.н., профессор

Л. Н. Славина

(ученая степень, должность, И.О.Фамилия)

_____

(подпись, дата)

Рецензент

к.и.н., доцент

Мезит Л.Э

(ученая степень, должность, И.О.Фамилия)

_____

(подпись, дата)

Дата защиты

_____

Оценка

_____

Красноярск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава1. Крестьянство Сибири накануне и во время массовой коллективизации.....	12
1.1.Курс на коллективизацию.....	12
1.2. Материально-технические и идейно-политические предпосылки коллективизации.....	20
1.3. Массовое колхозное движение.....	23
Глава2. Классовая борьба и ликвидация кулачества	26
2.1. Переход к политике ликвидации кулачества как класса.....	26
2.2.Эволюция форм классовой борьбы.....	39
Глава3.Новая жизнь в деревне.....	40
3.1.Техническая реконструкция сельского хозяйства.....	40
3.2. Колхозное производство и заготовки.....	46
3.3.Преобразование культуры и быта сибирского села.....	51
Заключение.....	58
Список использованной литературы.....	62
Приложение.....	65

Введение

Актуальность темы исследования. Политика Советского государства в отношении зажиточного крестьянства - «кулачества» - долгое время искаженно интерпретировалась в отечественной исторической науке. Перемены, происходящие на современном этапе развития России, дали возможность ее объективного исследования. Ликвидация монополии марксистско-ленинской методологии, отказ от идеологического диктата, рассекречивание значительной части архивных материалов, ранее находившихся под запретом, открыли путь к объективному освещению процесса «раскулачивания» деревни. Актуальность изучения данной проблемы обуславливается также тем, что проведенные в конце 1920 - начале 1930-х гг. коллективизация и «раскулачивание» крестьянства во многом повлияли на последующее развитие нашего общества. Именно в них находят сегодня ученые ключевые истоки целого ряда последующих крупных социальных явлений. В тридцатые годы были уничтожены не только эффективные земледельческие хозяйства и их хозяева, но и накопленный ими за многие столетия хозяйственный опыт, профессиональные навыки, был разрушен веками формировавшийся уклад крестьянской жизни.

Актуальность исторических исследований на региональном уровне сегодня обострилась в связи с новой структурой внутригосударственных отношений, в которых значительно выросла роль отдельных регионов. Восточная Сибирь не стала исключением, она занимала и занимает в экономической и в целом в общественной жизни страны немаловажное место.

Рассмотрение этой темы на материалах Сибири представляет особый интерес. Во-первых, Сибирь — это регион, где социальное расслоение нашло резкое выражение: здесь как в дореволюционный период, так и в условиях нэпа (хотя и в значительно меньшей степени) имелся довольно многочисленный и сравнительно мощный слой крупных предпринимательских крестьянских хозяйств. Во-вторых, Сибирь традиционно была местом ссылки различных

репрессированных властями социальных слоев, в том числе и «кулачества» как собственно сибирского, так и выселенного из районов Европейской России.

Степень изученности проблемы. Изучение указанных проблем долгое время проходило в русле идеологических установок коммунистической партии: кулачество рассматривалось как классовый враг, инициирующий обострение классовой борьбы и подлежащий безусловной и полной ликвидации на основе экспроприации. Процесс «ликвидации кулачества как класса» осуществлялся, якобы, на основе сплошной коллективизации и при участии широких масс трудовой деревни. Экспроприация и выселение «кулаков» в спецпоселки (комендатуры) изображались как сравнительно гуманная акция, а в местах выселения осуществлялось «трудовое перевоспитание» бывших эксплуататоров.[23]

Внимание историков, занимающихся исследованием периода 20 - 30-х гг. XX в., привлекала статья Сталина - «Головокружение от успехов» (март 1930 г.), в которой вся ответственность за «некорректное» проведение политики в деревне, за репрессии против крестьянства возлагалась на местных работников. Однако, в работах И.А. Ивницкого, М. Л. Богденко сделан вывод, что главной причиной допущенных ошибок послужили неверные указания и решения конца 1929 г. - начала 1930 г., данные некоторыми центральными учреждениями и руководством партии и государства.

Основными работами по изучению периода 1920-х-1930-х гг. в Восточной Сибири являются труды И.С. Степичева. Данные исследования написаны на материалах Красноярского края, Иркутской и Читинской областей, отличаются большим фактическим материалом, но они так же, как и другие труды этого периода, отражают проправительственную точку зрения. Ее смысл заключается в том, что политика партии и советской власти в отношении крестьянства, несмотря ни на какие трудности и ошибки, способствовала благоприятному изменению его материального, правового, культурного, политического положения.

Историки, исследуя процесс коллективизации, очень осторожно касались проблем «раскулачивания» и «ликвидации кулака как класса», старались придерживаться идеологических установок, продиктованных партией и государством. Данные исследования не дают адекватную оценку событиям конца 20 - начала 30-х гг. в силу их идеологического окраса и пробелов, связанных с недоступностью архивных материалов.

Несмотря на то, что новые архивные документы были открыты в на рубеже 1980-1990-х гг., собственно научные издания, представленные учеными-историками и политологами, стали издаваться позже. Причиной этому была необходимость осмысления новых фактов и научных данных. В связи с этим со второй половины 1980-х гг. выходит достаточно большое количество статей, небольших публикаций, написанных в большей степени не учеными-обществоведами, а экономистами и публицистами. Именно ими была остро и по-новому поднята проблема «раскулачивания» крестьянства. Но их работы носили в большей степени публицистический характер, так как основывались не на научных фактах и отражали идеологию вновь пришедшей власти.

В конце 1980-х гг. на страницах научно-исторических сборников публиковались материалы полемики, в которой принимали участие такие ученые, как академик ВАСХИНИЛ, профессор В.А. Тихонов, доктора исторических наук Н.Я. Гушин, В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, В.П. Дмитренко и др.

Научные исследования по вопросам социально-экономического давления на крестьян в конце 1920-х гг. и репрессивной политики в начале 1930-х гг., в которых ученые, согласно новым источникам, а главное, новой общественно-политической ситуации, стали более объективно освещать эти проблемы, появились в начале 1990-х гг. В них по-новому был пересмотрен ряд вопросов, в том числе причины коллективизации. Крупнейшие отечественные историки-аграрники (В.П. Данилов, Н.Я. Гушин, И.Е. Зеленин и др.) видели их, прежде всего, в экономическом кризисе страны («ножницы цен», «кризис сбыта», хлебозаготовительные кризисы). Политика «раскулачивания» рассматривается

ими не как вынужденный ответ «на ожесточенную борьбу кулаков», а как осознанная, спланированная и тщательно организованная акция для решения зерновой проблемы и уничтожения «кулачества».

Сегодня многие историки проявляют большой интерес к проблеме «раскулачивания», переселения крестьян - «кулаков» и их судеб. Можно сказать, что это новое направление в исследованиях, так как ранее на эту сторону жизни крестьян было наложено «вето». В частности, С.А. Папков в своей работе «Сталинский террор в Сибири. 1928-1941» исследовал характер и основные этапы репрессивной сталинской политики в условиях Сибири, попытался восстановить обобщенную картину карательных действий большевистского режима в отношении различных групп населения.

С.А. Красильников является одним из ведущих в Сибири исследователем проблем «раскулачивания» крестьян. В сфере научного интереса ученого находится широчайший круг вопросов, связанных с изучением «кулацкой ссылки». Ученый отмечает, что с началом эпохи «Великого перелома» репрессированное крестьянство стало крупнейшей маргинальной группой. Долгое время она являлась своеобразной «фигурой молчания» для советского режима. Между тем, по мнению С.А. Красильникова, исследование данной маргинальной группы очень важно для изучения демографических, экономических и культурных изменений в Сибири. Именно здесь сталинская эпоха формировала и концентрировала маргиналов с наибольшей масштабностью и интенсивностью.

Анализируя блок нормативных документов, которые регламентировали статус «раскулаченных», их права и обязанности, С.А. Красильников приходит к следующим выводам: формально «кулаки» не считались репрессированными и не лишались свободы, но фактически были таковыми, поскольку лишались двух основополагающих прав - гражданских (считались «лишенцами», пораженными в избирательных правах) и прав на передвижение (запрещение покидать спецпоселки). Тем немногочисленным правам, которые гарантировались ссыльным, противостояла мощная стена

всевозможных ограничений и дискриминаций. Лишь Великая Отечественная война (с началом которой потребовался призыв в армию и трудовые мобилизации взрослого населения спецпоселков) вынудила режим снять с массы «раскулаченных» ряд наиболее тяжелых правовых ограничений. С.А. Красильников обратился и к изучению становления советской системы принудительного труда. При этом он подчеркивает особую роль Сибири в принудительном секторе советской экономики, указывает на неэффективность любых форм принудительного труда.

В начале 1990-х гг. Н.Я. Гуцин вновь обратился к исследованию истории «депортации кулаков» в рамках общей проблемы «раскулачивания крестьянства». Н.Я. Гуцин являлся одним из крупных сибирских историков. Перечень его трудов внушителен, ему принадлежат работы, изданные в разные периоды. Он был одним из инициаторов пересмотра устаревших взглядов на политическую историю аграрных отношений указанного периода. Так, например, утверждая ранее, что «не репрессии, а меры общественного воздействия были главным средством изъятия хлебных запасов у кулацко-зажиточной части деревни», он впоследствии писал, что «изображение в историографии «урало-сибирского метода» хлебозаготовок («самообложение») лишь как инициативы низов, следует признать односторонним. Нередко самообложение проводилось административным путем...».

Н.Я. Гуцин подчеркивал, что рассмотрение темы «раскулачивания» на материалах Сибири представляет особый интерес, так как Сибирь традиционно была местом ссылки различных репрессированных властями социальных слоев.

В 1990-е гг. были предприняты первые попытки исследовать крестьянское «раскулачивание» в Восточной Сибири и, в частности, в Красноярском крае. В краевых периодических изданиях вышли в свет статьи, в той или степени освещающие процесс коллективизации и массовой ссылки крестьянских семей. Авторы данных работ – И. Борзенко, Н. Гончаренко и других. Их публикации полны эмоционально-публицистических оценок, нигилистического низвержения прошлого.

С.В. Карлову принадлежит серьезное исследование истории сталинских репрессий, в т.ч. в отношении крестьянства, на территории Хакасии (входившей с 1934 г. в состав Красноярского края). Одновременно были опубликованы работы, в которых освещаются такие частные вопросы проблемы, как депортация крестьянских семей в северные районы Красноярского края, использование труда спецпереселенцев.

Однако узость источниковой базы и освещение отдельных аспектов темы не позволяет данным работам претендовать на полное и объективное рассмотрение истории крестьянского раскулачивания в крае.

Современные работы по истории крестьянства Сибири посвящены в основном ее западной части, так как их авторы относятся к новосибирской школе и опираются в большей степени на западносибирские источники. О тех событиях, которые происходили в Восточной Сибири, мы можем судить только по работам, посвященным Сибири и СССР в целом.

Свой вклад в изучение событий 1920-х - 1930-х гг. также внесли зарубежные исследователи (Девис Р.У., Уиткрофт С. О., Грегори П.). Они рассматривают политику государства в деревне как акцию, направленную против основной массы крестьянства, ее наиболее производительной части; как физическое уничтожение огромной массы наиболее дееспособного крестьянства. Считая, что в рассматриваемый период времени преобладало усиление административной системы, «которая утверждалась очень жесткими мерами», что сталинская политика подорвала экономику, поскольку вела к «ликвидации» самых эффективных производителей сельскохозяйственной продукции, они оценивают государственную политику по отношению к зажиточному крестьянству конца 20-х - 30-х гг. как насильственную, преступную.

Оценки зарубежных историков событий рассматриваемого периода были во многом противоположны выводам советских. Последние считали их некомпетентными, как опирающимися на узкую источниковую базу и, главное, на неприемлемую политико-идеологическую основу. Начиная со второй

половины 1980-х гг., с изменением ситуации в исторической науке России и в связи с публикацией ряда работ зарубежных специалистов, вырабатывается более объективная оценка их концепций. Советские историки стали признавать правоту западных коллег.

В целом, обзор и анализ литературы по проблеме свидетельствует, что имеющиеся исследования в совокупности дают возможность судить об основных направлениях политики «раскулачивания» крестьян в таком крупном регионе, как Красноярский край. На наш взгляд, это делает невозможным получение полного представления об истории советского крестьянства в 1930-е гг.

Анализ изученной литературы позволяет сделать вывод о том, что государственная политика в отношении зажиточного крестьянства на протяжении десятилетий является предметом исследования историков, однако позиции авторов значительно различаются в зависимости от времени их написания. На современном этапе политика государства по «раскулачиванию» на общесоюзном уровне изучена достаточно полно. Что касается региональных исследований, в частности, по Восточной Сибири, то их отсутствие очевидно, что свидетельствует о необходимости разработки проблемы государственной политики по отношению к крестьянству на локальном уровне. В связи с этим, избранная тема представляется нам очень актуальной и перспективной для глубокого и всестороннего изучения.

Объектом исследования в предлагаемой работе выступает процесс преобразования сельского хозяйства в 1920-1930-е годы.

Предмет исследования - «раскулачивание» крестьян в период коллективизации.

Гипотеза исследования: социалистическое раскрестьянивание российской деревни носило идейный и целенаправленный характер.

Цель данной работы: воссоздать конкретно-историческую картину экономического, политического и правового наступления советской власти на зажиточное крестьянство, «ликвидации кулачества как класса» в Восточной

Сибири. Особое внимание акцентируется на выяснении следующих вопросов: образ кулака был положительный или отрицательный, кто он? Организатор труда – или эксплуататор; трудолюбивый хозяин – или ростовщик; потенциальный производитель товарной, сельскохозяйственной продукции – или враг народа, тормозящий его развитие.

Задачи данной работы:

- рассмотреть материально-технические и идейно-политические предпосылки коллективизации;
- исследовать переход к политике ликвидации кулачества как класса;
- изучить изменение форм классовой борьбы;
- изучить техническую реконструкцию сельского хозяйства.

Методологическую основу работы составила теория модернизации. В 1930-е гг. в СССР начинается очередная волна модернизации - «сталинская». Для советского правительства она в первую очередь носила «инструментальный» характер, выступала как средство умножения промышленного потенциала страны, скорейшей ее индустриализации. Восточные районы СССР, богатые полезными ископаемыми, должны были стать ресурсно-технологической основой модернизационного перехода. Но дефицит свободных рабочих рук на этих территориях привел к тому, что обеспечение развивающейся промышленности трудовыми резервами стало объектом жесткой государственной регламентации. В связи с этим коллективизацию и «ликвидацию кулачества как класса» мы можем рассматривать в качестве одного из подпроцессов «сталинской модернизации». Политика в отношении крестьянства не только выполнила определенные политические задачи (ликвидация «эксплуататорского» класса в деревне, стимулирования притока в колхозы и т.п.), но и высвободила, путем объявления «бывших кулаков» спецпереселенцами, из сферы сельского хозяйства сотни тысяч рабочих рук. Использование труда спецпереселенцев стало одним из важнейших стимулирующих факторов развития хозяйства восточных регионов страны.

Также при написании работы использовались общенаучные методологические принципы (диалектики, объективности) и традиционные исторические методы исследования - проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и логический методы.

Цели и задачи определили структуру дипломной работы. Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения. В первой главе рассматриваются материально-технические и идейно-политические предпосылки коллективизации крестьянства Сибири накануне и во время массовой коллективизации. Вторая глава посвящена классовой борьбе и ликвидации кулачества. Третья глава - созданию материально-технической базы социалистического сельского хозяйства Сибири. В приложение вынесены статистические материалы, документы и рисунки.

Глава 1. Крестьянство Сибири накануне и во время массовой коллективизации

1.1. Курс на коллективизацию

Коллективизация — процесс объединения единоличных крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства (колхозы) в СССР. Решение о коллективизации было принято на XV съезде ВКП(б) в 1927 году. Проводилась в Сибири в 1928—1937 годах; основной этап 1930—1933 гг. — сплошная коллективизация. Цель коллективизации — установление социалистических производственных отношений в деревне, преобразование мелкотоварных индивидуальных хозяйств в крупные высокопроизводительные общественные кооперативные производства [1]. В результате сплошной коллективизации была создана целостная система массивированной перекачки финансовых, материальных и трудовых ресурсов из аграрного сектора в индустриальный. Это послужило основой для последующего быстрого индустриального роста, который позволил преодолеть качественное отставание промышленности СССР от ведущих мировых держав [14].

Согласно марксистской теории, производственное кооперирование крестьянства позволяет широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения, превратить аграрный труд в разновидность индустриального и за счет этого резко повысить его производительность. Пришедшие к власти в России в 1917 большевики рассматривали коллективизацию в качестве неременного условия построения социализма в стране. Однако до конца 1920-х гг. решение задачи коллективизации деревни отодвигалось на отдаленную перспективу. Считалось, что «мелкое» крестьянское хозяйство «еще долго» будет оставаться основной организационно-производственной структурой сельского хозяйства страны. Но поскольку мелкотоварное аграрное производство перестало отвечать задачам ускоренной модернизации, данную точку зрения пересмотрели. XV съезд

ВКП(б), состоявшийся в декабре 1927 г., поставил задачу расширения масштабов колхозного строительства. К 1 октября 1929 г. в Сибирском крае в колхозы вошли 6,7% крестьянских дворов, в Дальневосточном крае (ДВК) — 8,1, в СССР в целом — 7,6%.

По воспоминаниям бывшего Председателя правительства СССР А. С. Косыгина (до начала 1930-х гг. работал в руководстве кооперативных организациях Сибири), «главное, что вынудило его «покинуть ряды кооператоров», состояло в том, что коллективизация, развернувшаяся в Сибири в начале 30-х годов, означала, как это ни парадоксально на первый взгляд, дезорганизацию и в значительной мере мощной, охватывающей все уголки Сибири кооперативной сети» [22].

Восстановления довоенных посевных зерновых площадей — 94,7 млн га — удалось добиться лишь к 1927 году (общая посевная площадь в 1927 составила 112,4 млн га против 105 млн га в 1913 г.). Также удалось немного превысить довоенный уровень (1913) урожайности: средняя урожайность зерновых культур за 1924—1928 достигла 7,5 ц/га. Практически удалось восстановить поголовье скота (за исключением лошадей). Валовая продукция зерновых к концу восстановительного периода (1928) достигла 733,2 млн ц. Товарность зернового хозяйства оставалась крайне низкой — в 1926/27 году средняя товарность зернового хозяйства составляла 13,3 % (47,2 % — колхозы и совхозы, 20,0 % — кулаки, 11,2 % — бедняки и середняки). В валовой продукции зерна колхозы и совхозы занимали 1,7 %, кулаки — 13 %, середняки и бедняки — 85,3 %. Количество личных крестьянских хозяйств к 1926 году достигло 24,6 млн., средняя площадь посева составляла менее 4,5 га (1928 г.), более 30% хозяйств не имело средств (инструмента, рабочего скота) для обработки земли. Низкий уровень агротехники мелкого индивидуального хозяйства не имел дальнейших перспектив роста. В 1928 году 9,8 % посевных площадей вспахивалось сохой, сев на три четверти был ручным, уборка хлебов на 44 % производилась серпом и косой, обмолот на 40,7 % производился немеханическими способами (цепом и др.).[1]

В итоге передачи крестьянам помещичьих земель, произошло дробление крестьянских хозяйств на мелкие наделы. К 1928 году их число по сравнению с 1913 годом выросло в полтора раза — с 16 до 25 млн.[1]

К 1928-29 гг. доля бедняков в сельском населении СССР составляла 35%, середняцких хозяйств — 60%, кулаков — 5%. В то же время именно кулацкие хозяйства располагали значительной частью (15-20%) средств производства, в том числе им принадлежало около трети сельскохозяйственных машин. [1]

Курс на коллективизацию сельского хозяйства был провозглашён на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927). XV съезд наметил «в качестве основной задачи партии в деревне» задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы. [16].

По состоянию на 1 июля 1927 года, в стране насчитывалось 14,88 тыс. коллективных хозяйств; на тот же период 1928 г. — 33,2 тыс., 1929 г. — св. 57 тыс. Они объединяли 194,7 тыс., 416,7 тыс. и 1 007,7 тыс. индивидуальных хозяйств соответственно. Среди организационных форм коллективных хозяйств преобладали товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы); имелись также сельхозартели и коммуны. Для поддержки коллективных хозяйств государством были предусмотрены различные поощрительные меры — беспроцентные кредиты, снабжение сельхозмашинами и орудиями, предоставление налоговых льгот.

К осени 1927 государство установило твёрдые цены на хлеб. Быстрый рост индустриальных центров, увеличение численности городского населения вызвали огромный рост потребности в хлебе.

Заготовки хлеба уже в 1927/1928 г. несколько уменьшились, а в 1929 г. сократились по сравнению с предыдущим годом почти на 30%. [4]

Уже к ноябрю 1927 встала проблема с обеспечением продовольствием некоторых промышленных центров. Одновременный рост цен в кооперативных и частных лавках на продовольственные товары при снижении плановых поставок привёл к росту недовольства в рабочей среде.

Для обеспечения хлебозаготовок власти во многих районах СССР вернулись к заготовкам на принципах продразвёрстки. Подобные действия, однако, были осуждены в Резолюции пленума ЦК ВКП(б) от 10 июля 1928 года «Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением».

По замыслу Сталина, именно крупные промышленные зерновые хозяйства — совхозы, создававшиеся на государственных землях, — могли бы «разрешить хлебные затруднения» и избежать трудностей с обеспечением страны необходимым количеством товарного зерна. 11 июля 1928 года пленум ЦК ВКП(б) принял резолюцию «Об организации новых (зерновых) совхозов», в которой указывалось: «утвердить задание на 1928 г. с общей площадью вспашки, достаточной для получения в 1929 г. 5-7 млн пудов товарного хлеба».

Результатом этой резолюции стало принятие Постановления ЦИК и СНК СССР от 1 августа 1928 г. «Об организации крупных зерновых хозяйств», п. 1 которого гласил: «Признать необходимым организовать новые крупные зерновые советские хозяйства (зерновые фабрики) на свободных земельных фондах с таким учётом, чтобы к урожаю 1933 обеспечить получение товарного зерна от этих хозяйств в количестве не менее 100 000 000 пудов (1 638 000 тонн)». Создаваемые новые советские хозяйства намечалось объединить в трест общесоюзного значения «Зернотрест», в непосредственном подчинении Совету труда и обороны.

Повторный неурожай зерновых на Украине в 1928 году поставил страну на грань голода, который, несмотря на принятые меры (продовольственная помощь, снижение уровня снабжения городов, введение карточной системы снабжения), имел место в отдельных регионах (в частности, на Украине).

Учитывая отсутствие государственных запасов хлеба, ряд советских руководителей (Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский) предлагали снизить темпы индустриализации, отказаться от развёртывания колхозного строительства и «наступления на кулачество, вернуться к свободной продаже хлеба, подняв на него цены в 2-3 раза, а недостающий хлеб купить за границей».

Это предложение было отвергнуто Сталиным, и была продолжена практика «нажима» на крестьянство (преимущественно за счет хлебопроизводящих районов Сибири, менее пострадавших от неурожая).

Этот кризис стал отправной точкой к «коренному разрешению зерновой проблемы», выразившемуся в «развёртывании социалистического строительства в деревне, насаждая совхозы и колхозы, способные использовать тракторы и другие современные машины» (из выступления И. Сталина на XVI Съезде ЦК ВКП(б) (1930 г.)).

Выход из «хлебных затруднений» партийное руководство видело в реорганизации сельского хозяйства, предусматривающей создание совхозов и коллективизацию бедняцко-средняцких хозяйств при одновременной решительной борьбе с кулачеством. По мнению инициаторов коллективизации, главной проблемой сельского хозяйства была его раздробленность: большинство хозяйств находилось в мелкой частной собственности с высокой долей ручного труда, что не позволяло удовлетворять растущий спрос городского населения на продовольственные товары, а промышленности — на сельскохозяйственное сырьё. Коллективизация должна была решить проблему ограниченного распространения технических культур в условиях мелкого индивидуального хозяйства и сформировать необходимую сырьевую базу для перерабатывающей промышленности. Также предполагалось снизить стоимость сельскохозяйственной продукции для конечного потребителя путем устранения цепочки посредников, а также посредством механизации повысить производительность и эффективность труда в сельском хозяйстве, что должно было высвободить дополнительные трудовые ресурсы для промышленности. Результатом коллективизации должно было стать наличие товарной массы сельскохозяйственной продукции в количестве, достаточном для формирования продовольственных резервов и снабжения быстро растущего городского населения продуктами питания.

В отличие от прежних крупных аграрных реформ в России, таких как отмена крепостного права в 1861 году или Столыпинская аграрная реформа

1906 года, коллективизация не сопровождалась какой-либо четко сформулированной программой и развернутыми инструкциями по её реализации, в то время как попытки местных руководителей получить разъяснения пресекались дисциплинарным путем. Сигнал к радикальной смене политики в отношении деревни был дан в речи И.В. Сталина в Коммунистической академии в декабре 1929 года, хотя при этом не было сделано никаких конкретных указаний по проведению коллективизации, кроме призыва «ликвидировать кулачество как класс».[35]

Переход к сплошной коллективизации осуществлялся на фоне вооружённого конфликта на КВЖД и разразившегося мирового экономического кризиса, что вызывало у партийного руководства серьёзные опасения по поводу возможности новой военной интервенции против СССР.

При этом отдельные позитивные примеры коллективного хозяйствования, а также успехи в развитии потребительской и сельскохозяйственной кооперации привели к не совсем адекватной оценке складывавшейся ситуации в сельском хозяйстве.

С весны 1929 на селе проводились мероприятия, направленные на увеличение числа коллективных хозяйств — в частности, комсомольские походы «за коллективизацию». В основном применением административных мер удалось добиться существенного роста коллективных хозяйств (преимущественно в форме ТОЗов).

7 ноября 1929 года в газете «Правда» № 259 была опубликована статья Сталина «Год Великого перелома», в которой 1929 год был объявлен годом «коренного перелома в развитии нашего земледелия»: «Наличие материальной базы для того, чтобы заменить кулацкое производство, послужило основой поворота в нашей политике в деревне... Мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». Эта статья признана большинством историков отправной точкой «сплошной коллективизации». [30]

По утверждению Сталина, в 1929 году партии и стране удалось добиться решительного перелома, в частности, в переходе земледелия «от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям, колхозам, опирающимся на новую технику, наконец, к гигантам-совхозам, вооружённым сотнями тракторов и комбайнов».

Реальная ситуация в стране, однако, была далеко не такая оптимистичная. Как полагает О. В. Хлевнюк, курс на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию «фактически вверх страну в состояние гражданской войны». [36]

На селе насильственные хлебозаготовки, сопровождавшиеся массовыми арестами и разорением хозяйств, привели к мятежам, количество которых к концу 1929 года исчислялось уже многими сотнями. Не желая отдавать имущество и скот в колхозы и опасаясь репрессий, которым подверглись зажиточные крестьяне, люди резали скот и сокращали посевы.

Тем временем ноябрьский (1929) пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», в котором отметил, что в стране начато широкомасштабное социалистическое переустройство деревни и строительство крупного социалистического земледелия. В постановлении было указано на необходимость перехода к сплошной коллективизации в отдельных регионах. На пленуме было принято решение направить в колхозы на постоянную работу 25 тыс. городских рабочих (двадцатипятидесятитысячники) для «руководства созданными колхозами и совхозами» (фактически число двадцатипятидесятитысячников впоследствии выросло чуть ли не втрое, составив свыше 73 тыс.).

Созданному 7 декабря 1929 года Наркомзему СССР под руководством Я.А. Яковлева было поручено «практически возглавить работу по социалистической реконструкции сельского хозяйства, руководя строительством совхозов, колхозов и МТС и объединяя работу республиканских комиссариатов земледелия».

Основные активные действия по проведению коллективизации пришлись на январь — начало марта 1930 года, после выхода Постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». [24] В постановлении была поставлена задача в основном завершить коллективизацию к концу пятилетки (1932), при этом в таких важных зерноводческих районах, как Нижняя и Средняя Волга и Северный Кавказ, — уже к осени 1930 или весной 1931 гг.

«Спущенная на места коллективизация» проходила, однако, в соответствии с тем, как её видел тот или иной местный чиновник — например, в Сибири крестьян массово «организовывали в коммуны» с обобществлением всего имущества. Районы соревновались между собой в том, кто быстрее получит больший процент коллективизации и т. п. Широко применялись различные репрессивные меры, которые Сталин позднее (в марте 1930 года) подверг критике в своей знаменитой статье «Головокружение от успехов» и которые получили в дальнейшем название «левые загибы» (впоследствии подавляющее большинство таких руководителей были осуждены как «троцкистские шпионы»).

14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». На места была направлена правительственная директива о смягчении курса в связи с угрозой «широкой волны повстанческих крестьянских выступлений» и уничтожения «половины низовых работников». После резкой статьи Сталина и привлечения отдельных руководителей к ответственности, темп коллективизации снизился, а искусственно созданные колхозы и коммуны начали разваливаться.

1.2. Материально-технические и идейно-политические предпосылки коллективизации

Коллективизация сельского хозяйства была подготовлена многими экономическими, социальными и политическими факторами. Важную роль играло укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, техническое перевооружение сельскохозяйственного производства. [18]

В вопросе о коллективизации для Сталина, конечно же, было важно, с одной стороны, подчеркнуть свою идейную преемственность по отношению к В.И. Ленину, с другой стороны, отразить свой вклад в развитие его идей. Поэтому в качестве основоположника идеи коллективизации «Краткий курс» называл Ленина. Его кооперативный план «построения социализма путем вовлечения крестьян в дело социалистического строительства» стал теоретической базой для создания колхозов. Однако, согласно учебнику, Сталин применил ленинские идеи в принципиально новых условиях «стабилизации капитализма» и для решения новой задачи «построения социализма в одной стране». [11]

Разумеется, не менее важным для Сталина было размежеваться со своими политическими противниками. Тем более что в вопросе о коллективизации он не всегда занимал однозначную позицию. Несколько ранее, в 1924 г., на этапе борьбы с Л.Д. Троцким, Сталин доказывал перспективность «домашней системы государственно-социалистического производства». [31] Теперь же, перенимая и применив многие идеи «левых», Сталин стремился дискредитировать их. Согласно «Краткому курсу»: «На словах ... они высказывались за колхозы и даже обвиняли ЦК в том, что он ведет коллективизацию недостаточно быстрым темпом, а на деле они издевались над политикой вовлечения крестьян в социалистическое строительство...». Далее по тексту «Краткого курса» и вовсе ставился знак равенства между Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и Рыковым. Рассказывая о «правом уклоне», «Краткий курс» сообщал, что «бухаринцы» от представителей «троцкистско-зиновьевского блока»

отличались лишь формально. Если последние прятали «свою капитулянтскую сущность» за «крикливо-революционными фразами о «перманентной революции», то первые выступали в поддержку кулачества «открыто, без прикрас, без маски». [10]

Внутрипартийная борьба связывалась в «Кратком курсе» с положением в деревне. Из этого вытекало сталинское объяснение необходимости коллективизации: агитация «троцкистов» и «бухаринцев» находила активную поддержку среди кулаков, которые отказывались продавать излишки хлеба государству и применяли иные формы «классовой борьбы». В результате армия и города оказались перед угрозой голода. Таким образом, «Краткий курс» изначально связывал деревню с нуждами советского государства. В условиях хлебозаготовительного кризиса власть оказалась в ситуации выбора: «либо перейти на крупное капиталистическое производство», «либо стать на путь объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства». [12] Разумеется, выбор представлялся вполне очевидным. Осуществление коллективизации, таким образом, оказывалось predetermined необходимостью построения социализма в СССР. Однако сам вопрос о возможных альтернативах коллективизации, вытекавший из спора Сталина со своими идейными оппонентами, впоследствии стал важной исторической проблемой, обсуждение которой активно продолжается вплоть до сего дня.

Истоки коллективизации следовало искать, исходя из изменения характера средств производства в доколхозной деревне. Однако анализ реальных данных показал, что действительность не соответствовала этим теоретическим рамкам. Оказалось, что сельскохозяйственное производство накануне коллективизации носило примитивный, рутинный характер, а его производительной основой был ручной труд. Главным достижением 1920-х гг. в развитии технической основы крестьянских хозяйств стал процесс вытеснения сохи плугом. Уровень насыщения сложной техникой в нэповской деревне оставался незначительным. Так, к началу сплошной коллективизации в советской деревне было всего 34 943 трактора, а их удельный вес в

энергетических ресурсах сельского хозяйства составлял всего 2,8%. С их помощью обрабатывалось не более 1% от площади посевов. [6]

Кооперация в 1920-е гг. отнюдь не вела крестьян к формированию колхозов, а напротив, «способствовала укреплению семейно-индивидуалистического хозяйства». Для бедняков она служила возможностью поднять свое хозяйство до середняцкого уровня, а для части середняков и кулаков и вовсе была одним из источников капиталистического накопления. Даже в товариществах по совместной обработке земли кооперация носила полусоциалистический характер, ибо в этом «дуалистическом организме» важнейшей для жителя села частью оставался крестьянский двор. В полной мере социалистической формой объединения крестьян можно было считать только колхозы. Но большинство колхозов были мелкими (в 1929 г. на один колхоз приходилось 17,4 крестьянских дворов), а их суммарные показатели в экономической жизни деревни — чрезвычайно малы. В 1929 г. колхозами обрабатывалось 3,5% посевных площадей, а их удельный вес в сельскохозяйственном производстве равнялся 3,8% (вместе с совхозами - 5,6%). Социальное расслоение в доколхозной деревне носило раннекапиталистический характер. Характеризуя социальный строй доколхозной деревни, В.П. Данилов писал: «В общей совокупности социальных связей и отношений доколхозной деревни при огромном преобладании мелкотоварного уклада, получил известное развитие и уклад частнокапиталистический, особенно в рыночной сфере, где и начались массовые схватки между силами старого и нового, между капитализмом и социализмом. Однако и те, и другие отношения в деревне 1920-х годов носили первоначальный, ранний, неразвитый характер, соединялись и переплетались с отношениями добуржуазными, натуральными, патриархальными». [7]

1.3. Массовое колхозное движение

До революции сибирское крестьянство было более зажиточным, чем крестьянство Европейской России. Во многом эта особенность сохранилась и в период нэпа: здесь преобладали средние по достатку хозяйства, немало было и весьма обеспеченных. Поэтому убедить крестьян-сибиряков в необходимости серьезных изменений их жизни было очень сложно.

Конечно, в Сибири имелось небольшое число сознательных и искренних сторонников коллективного труда. Они готовы были отказаться от собственности и личных интересов, трудиться сообща во имя равенства и братства.

Идея объединения в колхозы привлекала часть наиболее бедных крестьян, неимущих батраков, которым действительно нечего было терять. О новой жизни мечтала молодежь, которой обычный крестьянский труд казался слишком тяжелым и однообразным.

И все же таких энтузиастов коллективной жизни среди массы сибиряков было совсем немного. Для большинства крестьян стимулом для разумных перемен могла быть только личная заинтересованность.

Крестьянство все менее охотно продавало свой хлеб государству, так как цены на него были очень низкие. Между тем хлеб являлся основным предметом экспорта, за него получали валюту, нужную для покупки новейших станков и промышленного оборудования.

В начале 1928 г. состоялась знаменитая поездка И. Сталина по Сибири. Ознакомившись с положением дел, он пришел к выводу, что в срыве заготовок хлеба виноваты «сибирские кулаки». Они якобы сознательно утаивали хлеб, чтобы подорвать советскую власть. Сталин потребовал силой вырвать у них хлеб, в результате на крестьян была обрушена волна насильственных мер. Кто не желал продавать свой хлеб по низким ценам, были объявлены спекулянтами, к ним применялась соответствующая статья Уголовного кодекса, предусматривавшая конфискацию имущества. В январе 1930г. было принято

секретнопартийное постановление о «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса». Поскольку большинство крестьян не желало расставаться со своим хозяйством, проведение коллективизации в кратчайшие сроки неизбежно приобретало насильственный характер. Крестьян принуждали вступать в колхозы, запугивая их лишением избирательных прав, высылкой и т. п. Важнейшим же средством насильственного объединения крестьян в колхозы стала угроза раскулачивания. У «кулаков» конфисковывали имущество, и без суда, со всей семьей, нередко в страшные морозы, в переполненных скотских вагонах их отправляли в отдаленные районы страны. Коллективизация сибирской деревни приняла особенно жестокие формы и имела разрушительные последствия. Это вполне понятно, если учесть неоднократно упоминавшуюся относительную зажиточность сибирских крестьян. К тому же в Сибири особенно усердно насаждались коммуны. Большинству сибиряков все эти затеи были глубоко отвратительны, слово «коммуна» среди них долгое время было ругательным, а колхоз оценивался как новое крепостное право. В нашем крае была особенно широкая база для произвола в отношении крестьян. Ведь в глазах приезжего уполномоченного, бедняка-активиста, недавнего переселенца сибирские мужики, носившие сапоги, а не лапти, имевшие понесколько лошадей и крепкий дом, сплошь были кулаками.[5]

Массовое колхозное движение, развернувшееся, прежде всего, в основных зерновых районах страны, охватило в конце 1929 - начале 1930 гг. и сибирскую деревню. Здесь происходили те же процессы, что и по всей стране. Во второй половине 1929 года темп колхозного движения непрерывно нарастал. 15 декабря 1929 года Сибкрайком ВКП(б) принял постановление «О темпах коллективизации Сибкрая», в котором наметил более ускоренные темпы коллективизации, чем предполагалось раньше. В 1929-30 годах ставилась задача вовлечь в колхозы около 30 процентов сельского населения края. В зависимости от степени подготовленности к коллективизации были определены три группы районов. К первой относились зерновые округа: Новосибирский,

Барнаульский, Рубцовский, Славгородский. Это - районы глубокого классового расслоения крестьянства, где наибольшее развитие получили кооперативное и колхозное движение, имелись совхозы и МТС. Ко второй – Восточная Сибирь (Красноярск), к третьей – Дальний Восток. [41]

Развертывая массовое колхозное движение, партия в то же время неослабно осуществляла индустриализацию страны. К 1930 году впервые в истории страны было достигнуто преобладание в народном хозяйстве (в стоимостном выражении) удельного веса промышленности над удельным весом сельского хозяйства.

Колхозное движение особенно усилилось в конце января 1930г. Наивысшие темпы коллективизации были достигнуты в зерновых районах. Уровень коллективизации сельского населения составлял в Красноярском округе 25,4%, Новосибирском -22,1%, Кузнецком – 17,1%, Омском – 15%, Барнаульском – 12%. [18]

В ходе массовой коллективизации колхозы потеряли свою изначальную кооперативную сущность. Юридически принадлежавшие им средства производства оставались в групповой неделимой собственности (земля — с 1935 в «вечном» пользовании) колхозников. На деле же колхозы были лишены самостоятельности и находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства. При этом они функционировали на принципах самокупаемости, осуществляемой в условиях абсолютного неэквивалентного и принудительного обмена. «Первой заповедью» колхозов, по Сталину, являлось выполнение обязательств перед государством — натуральных (контрактации, обязательных поставок, натуроплаты МТС) и денежных (сельскохозяйственных, с 1936 г. - подоходных налогов). «Второй заповедью» было создание семенных, фуражных и иных производственных фондов. И лишь оставшиеся после этого ресурсы подлежали распределению среди колхозников. Члены колхозов фактически прикреплялись к ним, а их труд на «общественных» полях и фермах приобрел характер отработочной повинности. [42]

Глава 2. Классовая борьба и ликвидация кулачества

2.1. Переход к политике ликвидации кулачества как класса

15 февраля 1928 года газета «Правда» впервые опубликовала материалы, изобличавшие кулачество, сообщавшие о тяжёлой ситуации на селе и повсеместном засилии на местах богатого крестьянства, которое обнаруживалось не только на селе, эксплуатируя бедноту, но и внутри самой партии, руководя рядом коммунистических ячеек. Были опубликованы сообщения о вредительской деятельности кулачества — разоблачения того, как кулацкие элементы в должности местных секретарей не пускали бедноту и батраков в местные отделения партии. [32]

Экспроприация запасов зерна у кулаков и середняков именовалась «временными чрезвычайными мерами». Однако насильственное изъятие хлеба и иных запасов отбивало у зажиточных крестьян всяческую охоту к расширению посевов, что позже лишало трудоустроенности батраков и бедняков. Механизм раскулачивания остановил развитие индивидуальных хозяйств и ставил под вопрос саму перспективу их существования. Вскоре временные чрезвычайные меры превратились в линию «ликвидации кулачества, как класса». [34]

С 1928 проводилась политика ограничения кулачества. Оно было обложено повышенными налогами, запрещалось государственное кредитование кулацких хозяйств. Многие зажиточные крестьяне стали распродавать имущество и уезжать в города. Предложения перейти от ограничения кулачества к его уничтожению выдвигались не раз на протяжении 1928-1929 гг. Однако все они были отвергнуты, т.к. хозяйство зажиточных крестьян играло заметную роль в обеспечении страны товарным хлебом. В 1928 году правой оппозицией ВКП(б) все ещё осуществлялись попытки поддержать зажиточное крестьянство и смягчить

борьбу с кулачеством. В частности, А. И. Рыков, критикуя политику раскулачивания и «методы времен военного коммунизма», заявлял о том, что «наступление на кулаков (нужно проводить) разумеется, не методами так называемого раскулачивания», и о недопустимости давления на индивидуальное хозяйство в селе, производительность которого более чем в два раза ниже, чем в европейских странах. Он считал, что «важнейшей задачей партии является развитие индивидуального хозяйства крестьян при помощи государства в деле их кооперирования»

Заявить о поддержке индивидуального хозяйства правой оппозиции удалось и на заседании Пленума ЦК ВКП(б): «Обеспечить содействие дальнейшему подъему производительности индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства, которое значительное время будет ещё базой зернового хозяйства в стране». [2]

Активные меры по ликвидации зажиточного крестьянства приветствовались сельской беднотой, которая опасалась того, что «партия взяла курс на кулака, тогда как нужно проводить линию «раскулачивания». В партии отмечали, что «беднота нашу политику на селе в целом продолжает рассматривать как резкий поворот от бедноты к середняку и кулаку». Именно так продолжали реагировать наименее обеспеченные жители сел на «новый курс» XIV партийного съезда 1925 года. Все чаще органы власти отмечали среди бедноты «не только открытое, но и решительное выступление против зажиточной и верхушечной части середняков». [38]

Растущее недовольство бедноты подкреплялось голодом в сельской местности, в котором большевики предпочитали винить «сельскую контрреволюцию» кулачества, желавшего ухудшить отношение народа к партии: «Надо давать отпор кулацкой идеологии, приходящей в казарму в письмах из деревни. Главный козырь кулака — хлебные затруднения». Все чаще в прессе появлялись идеологически обработанные письма возмущенных красноармейцев-крестьян: «Кулаки — эти яростные

враги социализма — сейчас озверели. Надо их уничтожать, не принимайте их в колхоз, выносите постановление об их выселении, отбирайте у них имущество, инвентарь». Широкую известность получило письмо красноармейца 28-го артиллерийского полка Воронова в ответ на жалобу отца «последний хлеб отбирают, с красноармейской семьей не считаются»: «Хоть ты мне и батька, ни слова твоим подкулацким песням не поверил. Я рад, что тебе дали хороший урок. Продай хлеб, вези излишки — это мое последнее слово». [39]

В ходе коллективизации сельского хозяйства, проведенной в СССР в 1928—1932 годах, происходило подавление антисоветских выступлений крестьян и «ликвидация кулачества как класса» («раскулачивание») — насильственное лишение зажиточных крестьян, использующих наёмный труд, всех средств производства, земли и выселение их в пределах области (края, республики) или за их пределы, в зависимости от категории.

В 1929 г. Сталин заявил: «Мы от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества перешли к политике ликвидации кулачества как класса».

Раскулачивание проводили не судебные органы, а исполнительная власть и милиция с привлечением коммунистов, местной бедноты и специально направленных в деревню рабочих-агитаторов (двадцатипятипятитысячников). Четких критериев, кого считать кулаком, не существовало. В одних случаях раскулачивали сельских богатеев, в чьих хозяйствах трудилось несколько батраков, в других основанием для раскулачивания становилось наличие во дворе двух лошадей. Нередко кампания по «ликвидации кулачества как класса» превращалась в сведение личных счетов, в расхищение имущества зажиточных крестьян. В целом по стране раскулачиванию подверглось 12-15% дворов (в некоторых районах - до 20%). Реальный удельный вес кулацких хозяйств не превышал 3-6%. Это свидетельствует о том, что главный удар пришелся по среднему

крестьянству. Пострадали наиболее умелые хозяйственные крестьяне.

Раскулаченные и выселенные на Север «кулаки», считались спецпереселенцами. Из них создавались спецартели, условия труда и жизни в которых мало чем отличались от лагерных. Только за 1932- 1935 годы 300 тыс. спецпереселенцев (приблизительно каждый шестой) умерли от истощения и непосильного труда. По Конституции 1936 года спецпереселенцы формально получили гражданские права. Однако на практике их положение не изменилось: покидать места поселения им не разрешали вплоть до смерти Сталина. [40]

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно этому постановлению кулаки были разделены на три категории:

- первая категория — контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и восстаний,
- вторая категория — остальная часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков и полупомещиков,
- третья категория — остальные кулаки.

Главы кулацких семей 1-й категории арестовывались, и дела об их действиях передавались на рассмотрение спецтроек в составе представителей ОГПУ, обкомов (крайкомов) ВКП(б) и прокуратуры. Члены семей кулаков 1-й категории и кулаки 2-й категории подлежали выселению в отдалённые местности СССР или отдалённые районы данной области (края, республики) на спецпоселение. Кулаки, отнесённые к 3-й категории, расселялись в пределах района на специально отводимых для них за пределами колхозных массивов землях.

Контрреволюционный кулацкий актив было решено «ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии»

(ст. 3, п.а).

В качестве репрессивных мер ОГПУ было предложено по отношению к первой и второй категории:

- направить в концлагеря 60 000, выселить 150 000 кулаков (разд. II, ст.1)
- в необжитые и малообжитые местности произвести высылку с расчетом на следующие регионы: Северный край — 70 тыс. семейств, Сибирь — 50 тысяч семейств, Урал — 20 — 25 тысяч семейств, Казахстан — 20 — 25 тысяч семейств с «использованием высылаемых на сельскохозяйственных работах или промыслах»(разд. II, ст.4). У высылаемых конфисковали имущество, денег разрешали оставить до 500 рублей на семью.

СНК СССР и ЦИК СССР 1 февраля 1930 года издали постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», которое отменяло право на аренду земли и право на применение наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах с некоторыми исключениями по индивидуальному совместному решению районных и окружного ИК в отношении «средняков». Краевым и областным ИК и правительствам республик было дано право применять «все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их».

4 февраля 1930 года была издана секретная инструкция Президиума ЦИК СССР «О выселении и расселении кулацких хозяйств», подписанная председателем ВЦИК СССР М. И. Калининым и председателем СНК СССР А. И. Рыковым, в которой «в целях решительного подрыва влияния кулачества» и «подавления всяких попыток контр-революционного противодействия» ОГПУ поручалось:

- выселить кулацкий актив, наиболее богатых кулаков и полупомещиков в отдаленные местности;

- расселить остальных кулаков в пределах района, в котором они проживают, на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств, участках.

2 февраля 1930 года был издан приказ ОГПУ СССР № 44/21. [26] В нём говорилось, что «в целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства — в первую очередь в районах сплошной коллективизации — в самое ближайшее время кулаку, особенно его богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесён сокрушительный удар».

Приказ предусматривал (Приказ ОГПУ № 44/21 2 февраля 1930 г.):

1. Немедленную ликвидацию «контрреволюционного кулацкого актива», особенно «кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций и группировок» и «наиболее злостных, махровых одиночек» — то есть первая категория, к которой были отнесены:

- Кулаки — наиболее активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства; кулаки, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно связанные с активными белогвардейцами;

- Кулаки — активные белогвардейцы, повстанцы; бывшие белые офицеры, репатрианты, проявляющие контрреволюционную активность, особенно организованного порядка;

- Кулаки — активные члены церковных советов, всякого рода религиозных общин и групп, «активно проявляющие себя».

- Кулаки — наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, бывшие помещики и крупные земельные собственники.

Семьи арестованных, заключённых в концлагеря или приговорённых к

расстрелу подлежали высылке в северные районы СССР, наряду с выселенными при массовой кампании кулаками и их семьями, «с учётом наличия в семье трудоспособных и степени социальной опасности этих семейств».

2. Массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и пограничной полосы) наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, полупомещиков, «местных кулацких авторитетов» и «всего кулацкого кадра, из которых формируется контрреволюционный актив», «кулацкого антисоветского актива», «церковников и сектантов») и их семейств в отдалённые северные районы СССР и конфискация их имущества — вторая категория.

Согласно приказу ОГПУ № 44.21 от 6 февраля 1930 года началась операция по «изъятию» 60 тысяч кулаков «первой категории». Уже в первый день проведения операции ОГПУ арестовало около 16 тысяч человек, на 9 февраля 1930 года были «изъяты» 25 тысяч человек. В спецсводке ОГПУ от 15 февраля 1930 содержался следующий отчет о проведении операции:

Согласно секретным отчетам репрессивных органов, численности «арестованных по 1 категории» кулаков на 1 октября 1930 года была следующей: за первый период раскулачивания до 15 апреля 1930 года было арестовано 140 724 человека, из них кулаков 79 330, церковников — 5028, бывших помещиков и фабрикантов — 4405, антисоветских элементов — 51 961 человек. За второй период раскулачивания с 15 апреля 1930 года по 1 октября 1930 года арестованы 142 993 человек, из них кулаков — 45 559 и 97 434 антисоветчика. В 1931 году «за один только январь... зафиксировано 36 698 арестованных», причем «подавляющее большинство кулацко-белогвардейской контр революции». [27]

Всего за 1930—1931 годы, как указано в справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, было отправлено на спецпоселение 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека. За 1932—1940 годы в спецпоселения прибыло ещё 489 822 раскулаченных.

Выселением кулачества занимались не только органы ГУЛАГ, но и ОГПУ, поэтому оценочные данные органов ГУЛАГ заметно занижены. Отдел центральной регистратуры ОГПУ в справке о выселении кулаков с начала 1930 года до 30 сентября 1931 года определял число «спецпереселенцев» в 517 665 семей, 2 437 062 человека.

Переселенные «по 2-й категории» семьи часто осуществляли побег, так как выжить в неосвоенных районах было тяжело. В 1932—1940 годах число «беглых кулаков» составило 629 042 человека, из них были пойманы и возвращены 235 120 человек. [27]

Совместным постановлением СНК СССР № 90 и ЦИК СССР № 40 от 13 ноября 1930 года «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию» была запрещена всяческая кооперация, включая членство в колхозах, для лиц, имеющих статус кулака. Исключением стали члены семей, где имелись «преданные» советской власти красные партизаны, красноармейцы и краснофлотцы, сельские учителя и агрономы — при условии, если они поручатся за членов своей семьи.

Совместным постановлением ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» были предусмотрены наиболее жесткие меры наказания за хищение колхозного и кооперативного имущества — вплоть до смертной казни с конфискацией имущества. В качестве «меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких элементов» предусматривалось лишение свободы на срок от 5 до 10 лет с заключением в концентрационные лагеря без права на амнистию.

К 1933 году в «кулацкие» поселения были направлены 1 317 000 кулаков и причисленных к ним. [29]

Репрессии зачастую применялись не только к кулакам и середнякам, но нередко и к беднякам, что было отмечено на пленуме ЦК ВКП(б) в феврале-марте 1937 года. [20]

Репрессии применялись зачастую для принуждения крестьян к вступлению в колхоз, это признал и осудил сам Сталин. [37]

В 1924—1928 годах крестьяне-члены потребительских кооперативов производили активные закупки инвентаря, сельхозтехники. По словам бывшего министра сельского хозяйства РФ Алексея Гордеева, «указанная «техника» являлась одним из важных оснований для их «раскулачивания», выселения, заключения в лагеря, физического уничтожения». [3]

Попасть в списки кулаков, составлявшиеся на местах, мог практически любой крестьянин. На местах зачастую для обеспечения ускоренных темпов раскулачивания раскулачивали середняков и «маломощных крестьян», о чём сообщалось в ряде сводок. [8] Угроза раскулачивания стала главным средством принуждения крестьян к вступлению в колхозы.

На пленуме обкома ВКП(б) ЦЧО его секретарь И. М. Варейкис на вопрос об определении термина «кулак» ответил жестко: «Рассуждения о том, как понимать кулака — есть схоластика гнилая, бюрократическая, бесцельная, никому не понятная и к тому же очень вредная». В сопротивление коллективизации включились не только кулаки, но и многие середняки. Советской властью широко применялся термин «подкулачник», что позволяло репрессировать вообще любых крестьян, вплоть до батраков.

Отчетность о репрессиях активно поступала в органы государственной власти. К примеру, представитель обкома ВЛКСМ ЦЧО Сорокин в рамках заседания бюро ЦКВЛКСМ сообщал о раскулачивании большого количества середняков и бедноты. Сообщалось, что в Черноземье под угрозой раскулачивания со стороны комсомольцев крестьяне были вынуждены вступать в колхозы, о чём позже руководство ВЛКСМ заявило: «административные методы «деляческого» раскулачивания, ударившие по середняку, вошли в мозги даже активистов-комсомольцев». Борисоглебские комсомольцы в процессе раскулачивания ликвидировали несколько батрацких хозяйств за то, что дочери хозяев вышли замуж за

кулацких сыновей. [21]

На Северном Сахалине для зачисления некоторых крестьянских хозяйств, не удовлетворяющих критериям кулацких, применялись обвинения в «японофильской» и религиозной деятельности. Известны случаи раскулачивания бедноты местных сел. Например, список из 55 кулацких семей, подлежавших выселению из Александровского и Рыковского районов, был проверен 29 августа 1931 года уполномоченным ОГПУ Маковским на предмет ошибочного включения в него середняков. 25 сентября пять середняцких семей из перечня были исключены и выселению не подверглись, однако статус «кулацких элементов» с них снят не был, и в дальнейшем они подверглись другим репрессиям, включая конфискацию имущества. [13]

Проводящие раскулачивание комсомольцы иногда проявляли особую жестокость. Так, кирсановские комсомольцы на общем собрании приняли решение о расстреле 30 кулаков. [28]

Протесты крестьян против коллективизации, против высоких налогов и принудительного изъятия «излишков» зерна выражались в его укрывательстве, поджогах, убийствах сельских партийных и советских активистов, что расценивалось государством как проявление «кулацкой контрреволюции».

К 1932 году процесс массового раскулачивания был официально остановлен, однако на практике остановить набравший обороты процесс было затруднительно из-за сопротивления снизу.

20 июля 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) издало постановление о прекращении массового выселения кулаков за исключением «выселения в индивидуальном порядке», а 25 июня 1932 года ЦИК СССР издал постановление «О революционной законности», прекратившее репрессии «по инициативе снизу». ЦК ВКП(б) и СНК СССР 8 мая 1933 издали совместную инструкцию N П-6028 «о прекращении применения массовых выселений и острых форм репрессий в деревне», направленную «всем

партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры», остановившую массовые репрессии. Инструкция заявляла о перегибах и неподконтрольности процесса.

24 мая 1934 ЦИК СССР принял постановление «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков», в соответствии с которым кулаки-спецпоселенцы, ранее лишённые ряда гражданских прав, восстанавливались в них в индивидуальном порядке. Однако радикального поворота в политике по отношению к кулакам не произошло. Окончательный отказ от политики раскулачивания был зафиксирован только постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 года № 1738—789сс «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков», благодаря которому многие из кулаков-спецпоселенцев получали свободу.

Хорошо известна экономическая роль зажиточного крестьянства в доколхозной деревне. В 1927 году производство хлеба кулачеством составляло 9,780 млн тонн, а колхозы производили около 1,3 млн тонн, из которых на рынок поступало не более 0,570 млн тонн. В 1929 году в результате активной коллективизации и раскулачивания уровень производства хлеба колхозами достиг 6,520 млн тонн.[33]

Организовав переход в колхозы большинства крестьян-производителей из класса бедноты и таким образом исключив зависимость государства от частного сектора и индивидуальных хозяйств, правительство рассчитывало уничтожить класс крестьян-кулаков, являвшихся ранее фактически единственным главным производителем товарного хлеба.

Для борьбы с «кулацким и подкулацким вредительством» в колхозах в январе 1933 года ЦК партии принял решение об организации политических отделов при МТС (машинно-тракторных станциях), обслуживающих колхозы. В сельские политотделы были направлены 17 тысяч партийных работников, поскольку, как сообщалось, «открытая борьба против колхозов потерпела неудачу, и кулаки изменили свою тактику, проникая в колхозы,

они тихой сапой наносили вред колхозам». Таким образом, раскулачивание производилось и среди работников колхозов, «бывших кулаков и подкулачников, сумевших пролезть в колхозы на те или иные должности... чтобы вредить и пакостить». [17]

Для обеспечения ускоренного завершения перехода крестьян-единоличников в колхозы и лишения крестьян-кулаков средств производства и возможности использования наемного труда было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 года с программой форсированной коллективизации. Оно запретило аренду земельных участков, найм рабочей силы частными лицами, форсировало раскулачивание, в том числе по инициативе снизу. Частные лица (крестьяне) были наделены правом конфискации скота, инструмента, средств производства, хозяйственных построек и инвентаря в пользу колхозов. Результатом правоприменения этого нормативного акта и ряда подзаконных актов стали репрессии по отношению к сотням тысяч крестьян, резкое падение уровня сельскохозяйственного производства и массовый голод. Резкий спад в сельском хозяйстве был остановлен лишь к 1937 году, но показатели 1928 года до Великой Отечественной войны так и не были достигнуты. [25]

Реабилитация лиц, подвергшихся раскулачиванию, и членов их семей производится в общем порядке, шла в течение десятилетий и не закончилась до распада СССР. Она продолжилась в современной России и проводилась согласно Закону Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 N 1761-1.

В судебной практике РФ раскулачивание расценивается как действие, являющееся политической репрессией. К примеру, можно рассмотреть Определение Верховного Суда РФ от 30.03.1999 № 31-В98-9, которое де-юре является практическим правоприменением законодательной базы в вопросе реабилитации раскулаченных лиц: заявление об установлении

фактов применения политической репрессии и конфискации имущества удовлетворено правомерно, поскольку раскулачивание являлось политической репрессией, применявшейся в административном порядке местными органами исполнительной власти по политическим и социальным признакам на основании постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулачества как класса» от 30.01.1930, ограничение прав и свобод матери заявителя заключалось в лишении ее жилья, всего имущества и избирательных прав.

Согласно Федеральному Закону от 22.08.2004 N 122-ФЗ. ч.2 ст.7 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» утратила силу.

Реабилитированным ранее раскулаченным лицам возвращается и необходимое для проживания недвижимое имущество (либо его стоимость), если таковое не было национализировано или (муниципализировано), уничтожено во время Великой Отечественной войны и при отсутствии иных препятствий, предусмотренных статьей 16.1 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий».

2.2 Эволюция форм классовой борьбы в деревне

По мере изменения соотношения социально-экономических укладов и политических сил в деревне видоизменялись и формы кулацкого противодействия. Разгром агрессивных отрядов кулачества, экспроприация значительной части его, а также выселение из районов сплошной коллективизации наиболее опасных его категорий ослабили кулачество, подорвали экономическое и политическое влияние в деревне. Кроме того, решительное исправление допущенных в коллективизации ошибок, восстановление ленинских принципов колхозного строительства, предоставление Советским государством больших льгот колхозам и колхозникам вырвали из-под влияния кулаков их последний резерв – часть колебавшихся середняков. Все это существенно оздоровило политическую обстановку в деревне. Однако кулаки оставались врагами колхозного строя. [18]

Кулаки начали подвергаться экспроприации и выселению с 1930 года. Некоторая часть кулаков после 1931 года либо продолжала хозяйствовать на прежних местах, либо бросила сельское хозяйство и переселилась в город. В северные районы Восточной Сибири в 1930 году было переселено около 12 тысяч кулацких семей (примерно 58 тысяч человек), из них 6,9 тысяч семей из Восточной Сибири, остальные из центральных районов страны. Раскулачивание и выселение оставшихся кулаков в большинстве других районов Восточной Сибири было закончено в основном также в 1931 году.

Таким образом, весной и летом 1931 года проходил второй этап ликвидации кулачества как класса. [18]

На 1932-1933 гг. падает заключительный, третий этап ликвидации кулачества, в ходе которого кулачество в стране фактически полностью было ликвидировано и окончательно разгромлено.[18]

Глава 3. Новая жизнь в деревне

3.1. Техническая реконструкция сельского хозяйства

Появление новой техники в деревне сыграло большую роль в подготовке массовой коллективизации. В первую очередь машинами обеспечивались колхозы, совхозы, а также машинные и тракторные товарищества. Советское государство использовало машиноснабжение в целях кооперирования крестьянских хозяйств. Оно всячески поощряло развитие машинных товариществ, рассматривая их как подготовительную форму колхозного движения. В конце 1928 г. в Сибири было 4636 машинных товариществ. При совхозах, колхозах, кредитных товариществах и других объединениях создавались машинно-прокатные пункты. В Сибирском крае в 1926 г. действовало 109 прокатных пунктов, а к середине 1929 г. их число возросло до 1887.

Появление тракторов оказало огромное влияние на жизнь деревни, на психологию крестьянина. В Сибири, где имелись огромные массивы плодородной целины, почти недоступной для освоения старой примитивной техникой, преимущества тракторов были особенно наглядными. Первый выезд тракторов в поле вылился во многих колхозах в массовый праздник. За десятки километров шли крестьяне из окружающих сел, чтобы посмотреть на работу трактора.[43]

Хотя совхозы в этот период занимали еще небольшое место в сельскохозяйственном производстве (их посевные площади составляли лишь 0.5% от всех посевов в Сибирском крае, а доля поголовья скота еще меньше),

значение их было велико. По мере организационно-хозяйственного укрепления совхозов передовые хозяйства показывали образцы высокой культуры земледелия и животноводства, наглядно демонстрировали преимущества крупного коллективного хозяйствования, способствовали кооперированию крестьянства.

Совхозы предоставляли трудящимся крестьянам напрокат сельскохозяйственный инвентарь и машины, снабжали сортовыми семенами и племенным скотом, организовывали агротехнические курсы и т. п. Однако совхозы переживали большие трудности в своем развитии. Не хватало квалифицированных кадров, техники. В 1928 г. 33% совхозов не имели тракторов. Сезонный характер работы при слабости хозяйства, плохой организации труда и преобладании уравниловки в оплате приводил к большой текучести рабочей силы. Многие совхозы были убыточными.

По решению июльского Пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. в Сибири развернулось строительство крупных зерновых совхозов. Новые совхозы создавались в основном на свободных целинных и залежных землях, использование которых было недоступно мелким крестьянским хозяйствам. В 1929 г. были организованы первые 6 зерносовхозов в Западной Сибири и 2 на Дальнем Востоке.

Социальной перестройке деревни во многом содействовало развитие кооперации. Наибольший размах получила потребительская кооперация. Только за 1927/28 г. число пайщиков в сельской местности Сибирского края возросло примерно на 20%. Кооперация к 1929 г. стала охватывать около 83% крестьянских хозяйств.

Главную роль в приобщении крестьянства к коллективному хозяйствованию сыграла сельскохозяйственная кооперация, объединявшая крестьян на основе их хозяйственной деятельности. В конце 1928 г. всеми видами сельскохозяйственной кооперации было охвачено в Сибирском крае 40.5%, а в ДВК - 46.4% крестьянских хозяйств. Доля кооперации составила в заготовках хлеба 78%, масла - 75%, мяса - 66%, в сбыте сельхозмашин - свыше

80%. В Западной Сибири - основном районе маслоделия - большое развитие получила молочная кооперация, организовавшая производство и сбыт молочных продуктов у 72% крестьянских хозяйств. Сибирская молочная кооперация составляла около половины всех кооперативов Союзного маслоцентра.

Все большее значение в кооперации приобретают простейшие производственные товарищества: машинные, животноводческие, семеноводческие, мелиоративные и т. п. В конце 1928 г. в Сибирском крае насчитывалось 6627 простейших производственных кооперативов.

В Сибири впервые в 1928 г. была проведена массовая контрактация посевов, охватившая около 4.6% посева. В следующем году объем контрактации значительно возрос и составил около 23% всего посева. Контрактация не только гарантировала плановое поступление сельскохозяйственных продуктов, но и усиливала воздействие государства на процессы крестьянского производства, побуждала крестьян к объединению своих усилий в хозяйствовании. Только за время весенней контрактации посевов 1929 г. в Сибирском крае было создано 1118 простейших кооперативов.

После XV съезда партии в сибирской деревне начался быстрый рост колхозов. В конце 1927 г. в Сибирском крае насчитывалось 697 колхозов, объединявших более 10 тыс. крестьянских хозяйств, к июню 1929 г. число колхозов достигло 3340, а количество коллективизированных хозяйств - 68.5 тыс. Уровень коллективизации крестьянских хозяйств поднялся с 0.7 до 4.5%. Колхозное строительство сильнее всего было развито в юго-западных округах края, где имелось около 2/3 всех колхозов. В Дальневосточном крае за это же время число колхозов увеличилось с 242 до 936, уровень коллективизации крестьянских хозяйств поднялся с 1.1 до 6.1%. Колхозы по составу в основном были бедняцкие. В 1928 г. в Сибирском крае бедняки составляли в различных видах колхозов примерно от 70 до 78%, а середняки - от 21 до 28%.

Колхозное движение по-прежнему развивалось в трех формах (тозы, артели, коммуны). Наибольшее развитие в Сибирском крае получили товарищества по совместной обработке земли. В середине 1929 г. они составляли 55.5% всех объединений и свыше 38.5% всех коллективизированных хозяйств. Однако для сибирской деревни было характерно значительно большее, чем в целом по стране, распространение коммун. Они составляли 21.6% всех колхозов и 40.9% коллективизированных крестьянских хозяйств, а артели - соответственно 22.9 и 20.6%. В Дальневосточном крае основное место в колхозном строительстве уже накануне массовой коллективизации принадлежало сельскохозяйственной артели. В составе колхозов на артели приходилось 62% объединений и 63% коллективизированных хозяйств.

Вместе с ростом числа колхозов происходило их значительное укрепление. В Сибирском крае с 1928 по 1929 г. число хозяйств в среднем на один колхоз возросло с 12.7 до 20.5, посева - с 74.8 до 176 га, рабочих лошадей - с 6.7 до 17, коров - с 6.7 до 13.4 голов. Колхозы стали более крупными хозяйствами с большими площадями посева, увеличивающимся поголовьем рабочего и продуктивного скота.

Колхозники были лучше обеспечены посевом, чем индивидуальные хозяйства. В 1929 г. на одного едока в колхозах приходилось 1.83 га посева, а у единоличников - 1.08 га. В колхозах развивалось главным образом зерновое производство, а общественное животноводство было развито слабо.

С 1928 г. по решению Сибкрайкома ВКП(б) стали создаваться крупные колхозы, которые значительно лучше обеспечивались техникой. В среднем на одного едока здесь приходилось в 2 раза больше средств производства, чем в других колхозах.

В Дальневосточном крае колхозы были менее крупными хозяйствами, объединявшими в 1929 г. примерно 14 семей и 65.6 га посева каждый. Более мощными были переселенческие колхозы (в среднем 50 хозяйств и 2 тыс. га земли). С 1928 г. переселенцы стали прибывать на Дальний Восток целыми

колхозами, например колхоз «Украина» - 80 хозяйств, колхоз «Спартак» - 50 хозяйств и др. Всего в крае имелось 85 переселенческих коллективных хозяйств - около 17% всех колхозов.

Советское государство создавало для развития колхозов благоприятные условия: установило льготы по единому сельскохозяйственному налогу, предоставляло на выгодных условиях кредиты, снабжало сельскохозяйственными машинами, семенами. Возрастало снабжение колхозов техникой. За год (с 1928 по 1929-й) число тракторов в колхозах возросло в 2 раза, а сложных машин - примерно в 4-6 раз. Однако рост технической вооруженности не поспевал за ростом коллективизации.

Многие колхозы смогли достичь более высоких качественных результатов в сравнении с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, показывали образцы производительности труда, культуры земледелия. Опыт многих колхозов служил наглядным примером преимуществ коллективного хозяйства. Большой авторитет среди крестьян завоевал колхоз «Красный боевик» Тамбовского района Амурского округа. Он имел два трактора, слесарно-кузнечную мастерскую, хорошо устроенный скотный двор, племенной скот. В 1928 г. колхоз увеличил площадь посева более чем в 2 раза. Благодаря улучшенной обработке земли, посеву очищенными семенами колхоз собирал высокие урожаи. Количество передовых колхозов исчислялось десятками. Пример их показывал крестьянству путь к новой жизни.

Сибирский край являлся важнейшим сельскохозяйственным районом, его роль в снабжении страны основными продовольственными продуктами была чрезвычайно велика. В 1928 г. доля Сибирского края в заготовках хлеба составляла 13.2%, масла - 47.8%, мяса - 26.1%. ЦК партии уделял большое внимание ходу хлебозаготовок в крае. Для укрепления сельских партийных организаций было послано из центра 100 опытных работников-коммунистов. Городские партийные организации направили на постоянную работу в село около 200 коммунистов. Кроме того, на хлебозаготовки были посланы сотни городских коммунистов, десятки рабочих бригад.

Всего в Сибирском крае в 1927/28 г. было заготовлено 78.4 млн пуд. хлеба (на уровне предыдущего года), а в Дальневосточном крае - 15.4 млн пуд. (в 1.7 раза больше предыдущего года). Около 60 млн пуд. заготовленного в Сибирском крае хлеба было вывезено за пределы края. Это был большой вклад сибирского крестьянства в социалистическое строительство в тяжелый год «хлебного кризиса».

Однако раскулачивание, проводимое пока лишь на основании чрезвычайных мер при хлебозаготовках (или прикрывавшееся этими мерами), но отнюдь не на основании каких-бы то ни было прямых партийных или правительственных директив, не могло решить зерновой проблемы. Ее решение представлялось, впрочем, достаточно ясным. Если в колхозах удельный вес товарного, т.е. поступающего в продажу, хлеба выше, чем у единоличника, то расширение общественного сектора позволяет резко поднять товарность зернового хозяйства в целом.[43]

3.2. Колхозное производство и заготовки

Государственные заготовки сельхозпродукции в это время, по сути, превратились в ограбление деревни. Председатель Запсибкрайисполкома Ф.П. Грядинский отдал руководителям районов приказ — в случае невыполнения плана мясозаготовок колхозами выполнять его за счет личных приусадебных хозяйств (ЛПХ) колхозников, не останавливаясь перед изъятием у них единственных коров. С целью преодоления спада коллективизации власти предприняли ряд мер по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Была реформирована заготовительная система. Отличавшуюся нестабильностью заготовительных заданий контрактационную систему заменили фиксированными обязательными поставками. Колхозам оказали семенную помощь. Расширились масштабы их обслуживания машинно-тракторными станциями (МТС). Официально осуждалось принудительное «обобществление» скота, а местные власти получили указание оказывать колхозникам содействие в обзаведении скотом. Относительная стабилизация положения колхозов и колхозников придала коллективизации новый импульс.

В Сибири повсеместно были проведены открытые судебные процессы над кулаками, «злостными саботажниками» хлебозаготовок. С января по март 1928 г. привлечено к судебной ответственности около 1 тыс. кулаков и спекулянтов-торговцев с конфискацией 700 тыс. пудов хлеба, 78 мельниц, 68 амбаров и т. п. Кроме того, было закрыто около 1500 кулацких кожевенных заводов. В Дальневосточном крае за 1928 г. было осуждено более 220 кулаков и спекулянтов.

Применение чрезвычайных мер против кулачества встречало поддержку широких бедняцко-средняцких масс деревни. Деревенская беднота, а под ее влиянием и середняцкий актив показывали пример высокой политической сознательности - досрочно и с превышением заданий выполняли хлебозаготовки. Повсеместно создавались «красные обозы», в ряде мест крестьяне целыми волостями и районами принимали решения о коллективной сдаче хлеба государству. [9]

Возросшая политическая активность трудящихся масс деревни, политическая изоляция кулачества, применение чрезвычайных мер привели к срыву кулацкого хозяйства. Перелом в хлебозаготовках в Сибирском крае начался в конце января 1928 г. В шестую пятидневку января было заготовлено 3.1 млн пудов, т. е. почти в 2.5 раза больше, чем в предыдущую пятидневку. В феврале заготовки достигли наивысшего размаха - 19.4 млн пудов, в 3 раза больше, чем в феврале предыдущего года.

Положение с хлебом в стране вновь обострилось весной 1928 г. вследствие гибели озимых на Северном Кавказе и Украине и резкого сокращения заготовок в этих районах. В этих условиях ЦК ВКП(б) потребовал от сибирских организаций неукоснительного выполнения плана хлебозаготовок. 3 июня 1928 г. состоялось «хлебное совещание» при Сибкрайкоме партии, в котором принял участие секретарь ЦК ВКП(б) С. Косиор. Совещание приняло решение заготовить в июне не менее 5-5.5 млн пудов. С. Косиор, говоря о методах работы по хлебозаготовкам, указывая на необходимость «усилить нажим», продолжить применение 107-й статьи, в то же время главное внимание обращал на разъяснительную работу среди трудящихся крестьян.

При проведении хлебозаготовок в ряде мест возникли извращения партийной линии, нарушалась советская законность. Чрезвычайные меры иногда применялись не только к кулаку, но и к середняку. В Сибири эти извращения коснулись значительной части середняков. К лету 1928 г. из числа осужденных по 107-й статье УК середняки и бедняки составляли в Сибирском крае 6.8%, а в отдельных округах значительно больше (в Кузнецком - 26.1%,

Бийском - 13.6, Омском - 13.1% и т. д.). Партийные организации боролись с этими извращениями. В постановлении от 5 июня 1928 г. «Об итогах применения 107-й статьи» Сибкрайком ВКП(б), решительно осуждая допущенные в ряде мест ошибки, в то же время признавал применение 107-й статьи «в целом по краю удовлетворительным», так как «в общей массе осужденных кулацко-эксплуататорская группа составляла около 93 процентов».[9]

В 1928/29 г., продолжая политику наступления на кулака, сибирские партийные и советские организации проводили хлебозаготовки по так называемому урало-сибирскому методу. На собрании бедноты и середняков была избрана комиссия, которая путем индивидуального задания распределила 65% плана хлебозаготовок на кулацкие дворы, 35% - на середняков. Отказавшимся выполнить задание предлагалось уплатить стоимость причитающегося хлеба в пятикратном размере.

Хлебозаготовки в 1928/29 г. проходили более успешно. Количество заготовленного в Сибирском крае хлеба превысило заготовки предыдущего года на 38%. На результатах хлебозаготовок на Дальнем Востоке неблагоприятно сказался неурожай, вызванный наводнением и другими стихийными бедствиями. Политическое значение хлебозаготовительных кампаний 1928 и 1929 гг. состояло в том, что партия сплотила бедняцко-средняцкие массы для борьбы с кулачеством.

Наряду с политикой хлебозаготовок экономические и политические позиции кулачества подрывались также усилением налогового обложения, резким сокращением кредитования и снабжения техникой, изъятием земельных излишков, вытеснением кулака из состава Советов, кооперативов и других массовых организаций.

Одновременно Советское государство оказывало огромную помощь бедноте по различным каналам: освобождение от сельхозналога, образование фонда кооперирования и специального бедняцкого фонда по кредиту, льготный отпуск машин и т. п. В переводе всех этих льгот на деньги помощь бедноте в

1926/27 г. составила 9 млн., а в 1927/28 г. - почти 20 млн. руб. Согласно закону, принятому ЦИК СССР в апреле 1928 г., тяжесть налогового обложения в основном перекладывалась на кулацко-зажиточную часть деревни. В Сибирском крае были освобождены от налога в 1927/28 г. 34.9, а в 1928/29 г. - 38.2% крестьян. В то же время удельный вес кулацко-зажиточной части в общей сумме сельхозналога возрос с 43.3 до 64.5%. [9]

На ограничение и вытеснение кулачества была направлена и политика землеустройства. При проведении землеустройства кулацкое землепользование было значительно сокращено, а беднота и середняки получили не только больше земли, но и ближе и лучше расположенные земельные участки. По выборочным данным обследования, в сибирской деревне до землеустройства 6.3% бедняков совсем не имели земли и 45.2% имели земли не свыше 11 десятин на хозяйство. После передела земли большинство бедноты получило свыше 19 десятин земли на хозяйство и лишь 8.4% бедняков - до 11 десятин.

Произвол становился основным рычагом переустройства деревни. Хотя закон о раскулачивании, принятый ЦИК и СНК СССР 1 февраля 1930 г., предполагал установление жестких количественных лимитов по применению репрессий по каждой из трех групп кулаков – подлежащих суду и полной конфискации средств производства, установленные лимиты были нарушены. Нередко у кулаков отбирались не только все средства и орудия производства, но и предметы домашнего обихода и продовольствие. Бедняцко-батрацкие массы стремились расширить круг хозяйств, подлежащих раскулачиванию, ибо конфискованное имущество передавалось колхозам в качестве вступительных взносов батраков и бедняков, а часть этого имущества, в нарушение директив партии, распределялась среди батраков и бедняков. Факты, подтверждающие эти слова, приводил кандидат в члены политбюро ЦК ВКП (б) С.И. Сырцов: «Можно привести чрезвычайно выразительный пример,- к сожалению, далеко не единичный. В одной из станиц продается с торгов имущество одного кулака, на которое наложен штраф. И вот как это делается. Дом продается за 20 коп., 4 лошади продаются за 60 коп., корова с телкой за 15 коп., гуси по одной

копейке, причем все это покупают с торгов исключительно члены сельсовета».[9]

Критерии отнесения хозяйства к категории кулацкого были определены столь широко, что под них можно было подвести любое крупное хозяйство, даже бедняцкое, хозяйства, входящие в крестьянские кооперативы и т.д. Это позволяло должностным лицам использовать угрозу раскулачивания как основной рычаг создания колхозов, организуя давление деклассированных слоев деревни на остальную его часть.

В январе 1930 года Сибкрайком принял решение завершить переход к коллективным хозяйствам уже к весне 1930 года, и началось форсированное создание колхозов, в ходе которого допускалась масса нарушений принципа добровольности. Сводки ОГПУ содержат колоссальное количество примеров проявления административного произвола. В Красноярском округе с января по март 1930 года доля коллективных хозяйств выросла с 11,7 до 55 процентов. Канский окружком в марте 1930 года рапортовал о 60-процентном уровне коллективизации в округе. В Рыбинском районе к марту 1930 года коллективные формы ведения хозяйства приняли 70 процентов крестьян, в Абанском — 43, Богучанском — 40, Рождественском — 89 процентов.

Параллельно с созданием коллективных хозяйств сибирские власти повели активное наступление на кулаков. Под этим предлогом на местах переходили к жестким мерам заготовок: подворному обходу крестьянских дворов, проверке амбаров, обложению всех дворов планами хлебосдачи. Обстановка на селе резко обострилась. В 1929 году в Ачинском округе было введено чрезвычайное положение по причине всплеска крестьянских выступлений против насильственных методов в борьбе с кулаками. Красноярский исполком определил контрольную цифру раскулаченных на 1930 год — 2137 хозяйств, что соответствует примерно 17–20 процентам крестьянских хозяйств, тогда как реальная доля кулацких хозяйств не превышала 5 процентов

В Красноярском округе в конце декабря 1929-го — начале января 1930 года произошло выступление крестьян, поводом которого послужило постановление властей Новоселовского района о направлении на лесозаготовки высланных в таежные районы кулаков. На лесоучастке Кичибаш крестьяне арестовали администрацию Сиблестреста, выставили заставы по дорогам. Резолюция, принятая на митинге, гласила: «Долой коммунистическое иго», «Долой деление на бедняков, середняков и кулаков».[9]

3.3. Преобразование культуры и быта сибирского села

Годы восстановления и (начала реконструкции народного хозяйства вплоть до первой пятилетки) явились самостоятельным этапом в развитии культуры. Являясь одним из средств и вместе с тем частью борьбы за социализм и отражая ее ход, повороты, трудности и успехи, культурное строительство прошло в эти годы свой особый путь.

Первое десятилетие Советской власти вошло в историю как период становления советской культуры. Великий Октябрь открыл простор в освоении культурных ценностей. Подъем к свету и знанию «снизу», поддерживаемый и поощряемый «сверху» - Коммунистической партией и Советским государством, общественными организациями, привел к значительным сдвигам в культурном уровне широких масс, к росту их образованности и сознательности. В поток культурной революции было втянуто и крестьянство, которое при помощи рабочего класса сделало в эти годы крупный шаг в своем культурном развитии и социалистическом воспитании.

Однако решающих успехов добиться не удалось. Слишком короток был срок. Стране предстояло преодолеть немало трудностей, чтобы предпринять генеральный штурм той темноты и отсталости, которые унаследовало Советское государство от старого строя. Прежде всего необходимо было преодолеть активное сопротивление буржуазной идеологии, опиравшейся на силу векового опыта и традиций и на живых носителей капитализма.

Даже пройдя через революцию и гражданскую войну, приобретя опыт сравнения власти Советов и власти белогвардейских генералов, крестьянство 20-х гг. не только в социальном, но и в культурном, психологическом отношении существенно отличалось от рабочего класса. Оставаясь мелким собственником, крестьянин сохранял и мелкособственническую психологию. И хотя в этой психологии под влиянием политического опыта первого периода Советской власти образовались глубокие «бреши», коренной перелом еще не произошел.

На исходе первого десятилетия Советской власти культурное развитие советского общества вступало в новый этап, главная цель которого состояла в том, чтобы осуществить перестройку мелкобуржуазного сознания крестьянских масс на основе социалистической идеологии. Для этого необходимо было нанести решающий удар по культурной отсталости деревни, что, в свою очередь, могло быть достигнуто лишь при активном участии самого крестьянства. В новых условиях требовалось на практике в полной мере реализовать ленинскую трактовку культурной революции как переворота, полосы культурного развития «всей народной массы». Подчеркивая эту сторону в ленинском учении о культурной революции, Н.К. Крупская отмечала, что под ней Владимир Ильич понимал «то, что массы как – то сломают дружным, организованным напором стену темноты и невежества, возьмут с бою необходимую им цивилизацию».[19]

Задачи культурного строительства на новом этапе были определены в решениях XV съезда ВКП(б). Съезд наметил основные направления подъема культурной работы в крестьянстве: осуществления всеобщего обязательного начального обучения, развитие профессионального образования, укрепление политпросветработы и другие. При этом подчеркивалась необходимость первоочередного внимания к культурной работе среди сельскохозяйственных рабочих, батраков и бедноты. На съезде была четко проведена мысль о взаимосвязи коллективизации сельского хозяйства и расширении масштабов культурной работы. Перевод сельского хозяйства на более высокие

технические и социальные формы хозяйствования, повышая материальный и культурный уровень жизни беднейшего и среднего крестьянства, должен был создать базу «для общего подъема культурной жизни деревни...»

Таким образом, в ходе социалистического строительства в одном потоке сливались индустриализация страны, призванная создать материальную базу социалистической духовной культуры; коллективизация сельского хозяйства, имевшая целью реорганизовать на началах коллективизма сам сельский труд – основу всякого, в том числе духовного богатства; культурная революция, интегрировавшая все формы и виды воспитания широких масс, прежде всего деятельность учреждений и организаций, занятых производством и распределением духовных ценностей.

Новая обстановка в стране, вызванная развертыванием социалистического строительства, породила в деревне невиданные прежде подъем духа, энтузиазм, стремление создать новое во всех сферах жизни, придала культурному строительству характер народного движения. На волне этой массовости родились новые организационные формы культурных преобразований, расширившиеся до масштабов всенародных движений. Главным среди них стал культпоход, в котором А.В. Луначарский с самого начала прозорливо увидел «стержневое явление, вокруг которого должно начаться широчайшее общественное движение». Культпоход придал всей просветительной работе невиданный размах, организованность и результативность. В культпоход были вовлечены не только передовые сознательные слои городского населения, но и трудовое крестьянство. Его небывалая активность рассматривалась как «самое замечательное явление» развернувшегося движения. В культпоходе ярко получило отражение положение марксизма об активной, творческой роли народных масс в культуре.[18]

За годы социалистического строительства в советском обществе утвердилась марксистско-ленинская идеология. Была ликвидирована массовая неграмотность, обеспечен высокий уровень образования всего населения.

Создание социалистической культуры - сложное дело. Различные отрасли культуры, отличаясь формами и методами, решали и разные задачи. В то же время развитие отраслей характеризовалось одинаковыми в целом материальными, социальными и политическими условиями, единством идейных основ, партийного и государственного руководства и, наконец, наличием общей главной цели - построение социалистического общества. Благодаря этому строительство культуры предстает как единый процесс, имеющий свои внутренние вехи, этапы и некоторые общие черты.

Размах культурного строительства пришел в противоречие с крайне истощенной материальной базой. Требовались новые государственные ассигнования для укрепления этой базы. Однако нэп внес серьезные коррективы в расходование государственных средств, которые стали направляться прежде всего на восстановление народного хозяйства. Доля же ассигнований на народное образование в государственном бюджете резко понизилась: с 10% в 1920 г. до 2-3% в 1922 г. Культурный фронт попал в полосу финансовых трудностей.

Сибирь в эти годы не составляла исключения. Более того, материальные трудности сказались здесь особенно сильно, так как вся система культурных учреждений была относительно молодой и неокрепшей. В новых условиях стихийное сокращение культурной сети было неизбежным. Стремясь уменьшить этот процесс, Совнарком РСФСР принял 15 сентября 1921 г. постановление «О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений». Отныне основная забота о культурных учреждениях возлагалась на местные органы и непосредственно на само население. В деревнях вводится натуральное самообложение на культурные нужды, в городах - частичная платность обучения. В работу театров, клубов, издательств внедряется принцип хозяйственного расчета и самоокупаемости.

Переход к социалистической реконструкции народного хозяйства потребовал повышения образования и культуры трудящихся. Решающие успехи в борьбе за грамотность были достигнуты в годы первой пятилетки, когда было

введено всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8 – 10 лет в объёме 4 лет; для подростков, не прошедших начального обучения, - в объёме ускоренных 1 – 2-годичных курсов. Для детей, получивших начальное образование (окончивших школу I ступени), в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих посёлках устанавливалось обязательное обучение в школе-семилетке. Осуществление всеобуча поставило сложные задачи. необходимо было укрепить материальную базу народного образования – строить новые школы, обеспечивать учеников учебниками и письменными принадлежностями. остро не хватало педагогических кадров. Государство вкладывало крупные ассигнования, что дало возможность в годы первой и второй пятилеток развернуть строительство новых школ (за этот период открыто почти 40 тыс. новых школ). Была расширена подготовка педагогических кадров, в значительной степени за счёт мобилизации в учёбу в педвузы коммунистов и комсомольцев. Учителям и другим школьным работникам была повышена заработная плата, которая стала зависеть от образования и стажа работы.

В стране действовала широкая сеть различных вечерних школ, курсов, кружков, которые охватывали миллионы рабочих и колхозников. Высокая политическая активность, сознательность, инициативность в труде стимулировали стремление трудящихся к образованию и культуре.

Немалую изобретательность проявляли органы народного образования в поисках и других источников обеспечения. Практиковались, например, использование учебных мастерских, засев полей и огородов для нужд учебных заведений; организация трудовых кооперативов учителей и учащихся; шефство фабрик, заводов, кооперативов, хозяйственных трестов над культурными учреждениями. В обстановке широкой общественной поддержки родилось новое движение, охватившее затем всю страну, - шефство города над деревней. Первоочередную задачу шефы видели в том, чтобы помочь деревне в ее культурном развитии.

Энергичные меры советских и общественных организаций, поистине героические усилия самих работников просвещения позволили сохранить культурный фронт от разрушения. К 1922/23 учебному году более половины расходов уже обеспечивалось из местных средств. Однако они были еще не в состоянии восполнить потери от снятия с государственного бюджета. В результате количество учреждений культуры резко сократилось: число школ к началу 1923 г. уменьшилось по сравнению с летом 1921 г. более чем в 2 раза, изб-читален - более чем в 6 раз, культурно-просветительных кружков - почти в 14 раз, а пунктов по ликвидации неграмотности - даже в 69 раз.

Поиски средств не были, однако, единственной заботой органов народного образования, поглощавшей целиком их внимание. Творческая работа в области форм и методов культурной работы не была снята с повестки дня. В связи с оживлением мелкобуржуазной идеологии усилилось внимание партийных и советских органов к репертуару театров и кино, качеству печатных изданий. Даже само сокращение сети культурных учреждений имело некоторые плюсы. Улучшился, например, подбор кадров в аппаратах народного образования. Рациональное расходование средств привело к большей плановости и организованности в работе просветительных учреждений.

Таким образом, первые полтора-два года новой экономической политики стали временем перестройки культурного фронта применительно к новым условиям и задачам.

В начале 1923 г. количественный спад в основном прекратился. Участники совещаний работников просвещения, проходивших в это время, говорили, что первоначальный «шок» преодолен, горизонт просветляется. Типичным для того момента было выступление заведующего Енисейским ГубОНО М. Е. Золотарева: «Любовью и усилиями всех трудящихся Енисейской губернии дело народного образования, несмотря на все трудности и бедствия, основалось теперь на определенном и прочном фундаменте. Наперекор всем стихиям мы говорили и говорим, что дело народного образования живет».

Решения X Всероссийского съезда Советов и работа В. И. Ленина «Странички из дневника» (конец 1922-начало 1923 г.), посвященные задачам развития культуры, положили начало новой полосе. Стабилизировалась, а затем стала расти сеть учреждений культуры, увеличился охват ими населения. Количественные сдвиги сопровождались углублением культурного процесса. Центр тяжести был перенесен на повышение качества культурной работы. Кропотливая созидательная работа, методичное, основательное движение вперед с закреплением каждой завоеванной позиции - такова была картина культурного процесса в эти годы.

Наиболее общим показателем, отражающим тенденции и масштабы культурного строительства, являются данные о расходах на нужды народного образования. Удельный вес этих расходов в местном бюджете вырос по Сибири с 20% в 1922/23 учебном году до 34.9% в 1927/28 учебном году, а по Дальнему Востоку - с 17.9% в 1923/24 учебном году до 27.9% в 1927/28 учебном году. Доля расходов на просвещение с 1925 г. стала самой крупной в местных бюджетах Сибирского края. Еще более разителен прогресс, если сравнить данные об абсолютных расходах. За те же годы они выросли только по местным бюджетам соответственно в 7.3 и 4.5 раза. Резкое усиление внимания со стороны партийных и советских организаций к проблемам строительства социалистической культуры, естественно, не могло не дать практических результатов. В итоге следующий период (1923-1928 гг.) стал временем подъема, подготовкой своего рода плацдарма для организации решающего штурма на культурном фронте в годы первых пятилеток.[43]

Борьба за утверждение марксистско-ленинской идеологии в сознании людей и в науке была ведущим направлением идеологической жизни общества. В то же время ужесточились требования партии к учёным-обществоведам: те из них, кто сомневался в абсолютной правильности избранных методов социалистического строительства, предлагал сохранить принципы новой экономической, предупреждал об опасности форсированной коллективизации, были отстранены от дел.

В начале 30-х годов начал проявляться признаки культа личности Сталина в идеологической работе.

Заключение

Проблема исторических судеб российского крестьянства является одной из ключевых для понимания особенностей отечественной истории. В условиях современной общественной практики особую актуальность приобретает анализ социальных изменений в деревне в переломные для страны периоды, из которых особо значимой, с точки зрения непосредственных результатов и долговременных последствий, является время раскулачивания зажиточных крестьян в эпоху сталинизма. В это время произошло то социалистическое раскрестьянивание российской деревни, основное социально-классовое содержание которого заключалось в насильственной ликвидации крестьянства как класса свободных мелких товаропроизводителей и его трансформации в экономически зависимый от государства и эксплуатируемый последним социальный слой колхозного крестьянства.

Что же произошло в годы коллективизации? Чем этот период принципиально отличался от других трагических страниц истории, когда у

крестьянина отнимали его имущество? Перед советским руководством стояло множество задач.

Задачи:

1. Взять контроль над страной в свои руки, установить сильную централизованную власть. Как говорил Ленин: «... Распределяя его (хлеб), мы будем господствовать над всеми областями труда».
2. Получить средства для проведения форсированной индустриализации. Как сказал И.В. Сталин: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы это сделаем, либо нас сомнут».
3. Уничтожить капиталистический элемент в деревне. Агитационный плакат того времени, ссылаясь на Ленина, гласил: «кулаки самые зверские, самые грубые, самые дикие, эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов и капиталистов. ДОЛОЙ КУЛАКА ИЗ ДЕРЕВНИ». [Приложение 1]
4. Раскулаченные, ссыльные – это огромная бесплатная рабочая сила, которую можно направить на лесоповал, рудники, внеобжитые районы, освоение Сибири, в вечную мерзлоту, в общем, туда, куда по доброй воле человек не пойдет ни за что.
5. Ликвидация кулаков должна была подготовить материальную базу для создания коллективных хозяйств, а коллективное хозяйство – это контроль не только над хлебом (как завещал Ленин), но над всей страной. Круг замыкался.

Таким образом, коллективизация была, в меньшей степени, мероприятием экономическим (руководство получало деньги, необходимые для проведения индустриализации), в большей - политическим (руководство получало способ контроля и управления народом), а главным образом - идеологическим (руководство воплощало в жизнь идею коммунистической справедливости и равенства)!

В этом трио: экономика, политика, идея; на первом месте стоит идея! Говоря о коллективизации много говорят о ее экономической составляющих: о

предпосылках, причинах, результатах и т.д. Сказано много и о политических моментах: кто руководил, кто исполнял, о перегибах и успехах, но вот на двигатель этого процесса, мало обращено внимания, а именно идеология движет человеком, является началом и стержнем человека, и общества. Идеология – является мощной и живучей (длительной) мотивацией для деятельности человека.

Считаю хорошим экономический прием кооперации мелких хозяйств в крупные для повышения производительности, ТОЗы были этому хорошим примером уже при советском строе.

Считаю хорошим руководство, осуществляющее дальновидную политику, управляющее народом, регулирующее товарооборот, социальную справедливость и защищенность своих граждан (дифференцированный налог, продналог, пошлины, пенсии и т.д.).

Считаю большой ошибкой и трагедией идею уничтожения кулака как класса [Приложение 2,3]. Можно бороться с ворами, с перекупщиками – спекулянтами, с теми, кто не платит налоги, задерживает и недоплачивает заработную плату работнику, но бороться с производителем – это и есть само преступление. Идеология, позволяющая творить зло во имя добра, - ошибочна.

Кто мог стать (говорю «мог», а не «стал», потому, что Сталин опередил их) силой, противодействующей коммунистической идеологии? Интеллигенция, кулаки – как состоятельный и влиятельный элемент в деревне, священники. Все те люди, что способны нести, отстаивать идею. Но коммунистическая идеология не приемлет, не может терпеть или соседствовать с иной идеей, религией потому, что сама является таковой.

Коммунистическая идеология – сродни религии. Её движущей силой была вера в счастливое будущее. Никто не знал, что так правильно, но верили и делали.

Вот что отличало коллективизацию от других эпизодов разорения крестьянина: впервые крестьянина уничтожали идейно, целенаправленно. В годы коллективизации крестьянин был не просто разорен, крестьянин был

уничтожен как класс, а последующие шестьдесят лет коллективного хозяйства уничтожили менталитет хозяина в сознании русского крестьянина, механизм, снова и снова заставляющий ваньку-встаньку подниматься, сломан.

«Теперь крестьяне не только на кого-либо, но и на себя работать не желают. В современной России крестьянство отсутствует как класс».

Крестьянин – хозяин, самостоятельный производитель сельскохозяйственной продукции в России был **искусственно уничтожен**. Следующие шестьдесят лет сельское хозяйство и в целом **деревня жили на «искусственном дыхании»**: трудо-дни (палочки), оплата труда регламентировалась; отсутствие паспортов – невозможность покинуть деревню, ничем не отличалось от крепостного права; централизованное снабжение техникой и инвентарем и распоряжение полученным урожаем государством. А значит его (Крестьянина – хозяина деревни) нужно **искусственно возродить!** Помочь ему: упростить получение земли в аренду, дать сельскохозяйственную технику в лизинг под самый маленький % (насколько это возможно). Способствовать продвижению произведенного товара на рынки и т.д. ...

А может мы уже упустили это время в девяностые?...

Список использованной литературы

1. Большая советская энциклопедия, ст. Коллективизация
2. Валентинов Н. В., Ю. Г. Фельштинский «Наследники Ленина», с. 17.
3. Гордеев А. В. «Концепция развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов» (утв. Минсельхозом РФ 29.03.2006)
4. Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973, с 103
5. Гущин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири. - Новосибирск, 1996г., с. 56.
6. Данилов В.П. Борьба советского государства за создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства (1926—1929 гг.) Автореферат дисс. к.и.н. М. 1955.с. 391
7. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, с. 393-394; 309—313; 203.
8. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 гг. — М., 1989. С. 360—362.

9. Иллюстрированная история Красноярья (1917–1991 годы) / В. И. Федорова [и др.] — Красноярск : РАСТР, 2014. — 264 с. : ил. с вк
10. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс. М. 1938, с. 271.
11. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938, с. 250, 260—261.
12. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс. М. 1938, с. 274.
13. Карлин К. Г. «Организация раскулачивания на Северном Сахалине», 1953г., с 146.
14. Козлов В. А. История отечества : люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства. — Политиздат, 1991. — Т. 2. — С. 182. — 364 с.
15. Коллективизация сельского хозяйства // Большая Советская Энциклопедия, 3-е издание
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., т. 4, М., 1970, с.57.
17. Краткий курс истории ВКП(б) (1938 год) // Репринтное воспроизведение стабильного издания 30-40-х годов. Москва, изд. «Писатель», 1997 г.
18. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). Ответственный редактор Гуцин Н.Я. Издательство «НАУКА» Сибирское отделение. Новосибирск, 1983 г., с. 216, 233, 263, 267, 321.
19. Крупская Н.К. Педагогические сочинения, т.5, М., 1959, с.139.
20. Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. N 11 — 12. С. 15.
21. Никулин Р. Л. Участие комсомольских организаций черноземья в раскулачивании», 1998 г., с. 54.
22. Ойзерман Т. И. Премьер известный и неизвестный. — Судьба наркома: Неизвестный премьер // КТО есть КТО, № 1 1998].
23. О тематике и характере исследований конца 20-х — первой половины 80-х годов, лежащих в русле официальной парадигмы, см.: Гуцин Н.Я., Ильиных

- В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С.3-28
- 24.Постановление ЦК ВКП(б). «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» 5 января 1930 г.
- 25.Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»
- 26.Приказ ОГПУ № 44/21 2 февраля 1930 г.
- 27.Российская академия наук. Институт российской истории. Федеральная архивная служба России. Российский государственный архив социально-политической истории. Центральный архив Федеральной службы безопасности. В.Данилов, Р.Маннинг, Л.Виола «Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в пяти томах. 1927—1939», II том, с. 95-96.
- 28.Российский государственный архив Социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. М-1. Оп. 23. Д. 976. Л. 6.
29. Справка 4-го спец. отдела МВД СССР // Коммунист. 1991. N 3. С. 101.
- 30.Сталин И. В.. Сочинения. «Год Великого перелома. К XII годовщине Октября»
- 31.Сталин И.В. Об основах ленинизма: Лекции, прочитанные в Свердловском университете. М. 1991, с. 65.
- 32.Сталин И. В. «К вопросу о ликвидации кулачества как класса», с. 16.
- 33.Сталин И. В. на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г // Сталин И. В. Сочинения. М.,1952.Т. 12. С. 167—169
- 34.Троцкий Л. Д. «Материалы о революции. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет», с. 32
- 35.Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — 2-е изд. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. — 336 с.
- 36.Хлевнюк О. В. «Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы». М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. Гл. 1

37. Чистяков О. И. «История отечественного государства и права. Часть 2», 2001г., с. 46.
38. Чуркин В. Ф. Самоидентификация крестьянства на переломном этапе своей истории. // История государства и права, 2006, N 7, с.28
39. Чуркин В. Ф.. «Самоидентификация крестьянства на переломном этапе своей истории» // «История государства и права», 2006, N 7, с. 30.
40. <http://history.syktnet.ru/03/001/56/003.html>
41. <http://www.rubtsovsk.ru/history/ruarea01/011.htm>
42. http://irkipedia.ru/content/kolhozy_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009
43. <http://www.sibering.ru/history-of-siberia-siberia-during-the-construction-of-socialism/beginning-of-the-socialist-reconstruction-of-the-economy-1926-1928-gg>